

18+ Таня Д. Дэвис

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ
ВСЁ САМОЕ
ИНТЕРЕСНОЕ

Таня Д. Дэвис
Когда начинается
всё самое интересное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660309

ISBN 9785449861443

Аннотация

В своей новой книге автор «Англо-русского романа» делится с читателями новыми увлекательными историями о любви, путешествиях, интересных встречах с представителями разных культур. Лёгкие жизнеутверждающие тексты, включая давший название сборнику рассказ «Когда начинается всё самое интересное», повествуют о том, что какие бы сложные ситуации не подкидывала нам жизнь, выход обязательно найдётся.

Содержание

Предисловие	5
Когда начинается всё самое интересное	7
Надёжный способ	18
A Comme Amour,	30
Селёдка на газете	42
Полет фантазии, или фантазии в полете	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Когда начинается всё самое интересное

Таня Д. Дэвис

© Таня Д. Дэвис, 2020

ISBN 978-5-4498-6144-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогие читатели, наверняка с вами тоже такое случалось: какая-то мысль, частичка какого-то важного знания попадают на глаза в самых разных образах и ситуациях, словно сверхусматривающий настойчиво подаёт тебе знак – «да пойми же ты наконец насколько это важно», но ты упорно отмахиваешься, не желая принять очевидное. И только спустя время, иногда годы, вдруг осознаёшь – «надо же как просто и правильно устроено то, что поначалу казалось странным и неприемлемым».

Именно так ко мне пришло понимание позитивной составляющей столь актуального сейчас слова «кризис». Ещё в детстве меня зацепила нелогичность песенки из знаменитого советского фильма «Доктор Айболит» с участием Ролана Быкова, помните – «это очень хорошо, это очень хорошо, что пока нам плохо». Я никак не могла понять, и что же хорошего в том, что нам плохо.

Позже, в юности, когда моя мудрая бабушка в трудные моменты, которые в жизни молодой девушки неизбежно случаются, мне говорила «помни, когда тебе кажется, что всё кончено и хуже уже не будет, именно тогда и начинается всё самое интересное», я только возмущённо фыркала. Как это? Мне так плохо, хуже некуда, а она «всё самое интересное» обещает.

И только потом, работая в Китае в статусе приглашённого профессора, от моих китайских коллег я узнала, что это противоречивое на первый взгляд утверждение отражено в китайском написании самого слова «кризис», которое состоит из двух иероглифов: один обозначает опасность, зато другой – возможность, надежду на выход, тот самый «свет в конце тоннеля», который нам всем бывает так необходим.

И рассказ «Когда начинается всё самое интересное», давший название предлагаемому вашему вниманию сборнику, всё о том же – какой бы сложной не была ситуация выход обязательно найдётся.

Приятного вам чтения, enjoy!

Когда начинается всё самое интересное

Интересно, сколько секунд лететь с пятнадцатого этажа? И шибанувшись об асфальт, она умрёт сразу или успеет почувствовать боль? Хорошо бы сразу. Только надо переодеться, нельзя портить любимое кремовое кружевное платье, которое она специально надела для встречи с Митей. В надежде, что сегодня вечером он придёт и скажет «милая моя Ника, прости я всё понял, и больше тебя не предаю, и мы всегда будем вместе».

Но возлюбленный пришёл не один, а со своей новой пассией, коллегой по оркестру скрипачкой Лерой – тощая, длинная, очкастая. Сказал «мы тут с Лерунчиком к тебе зашли за моим старым ноутом, не возражаешь?» От этих слов душа омертвела, и, оцепенев от внутреннего холода, Ника перенесла визит стойчески, вежливо напоив парочку чаем с любимыми Митенькой пирожными от Волконского и выслушав восторженные рассказы скрипачки о том, какой же «наш» Митя талантливый.

Теперь всё. Надо снять платье и надеть джинсы с майкой. А это волшебной красоты платье надо оставить подруге Маше, с которой они вместе его же и покупали в Милане всего месяц назад. Маша очень хотела купить точно такое же,

но платье было всего одно, и она очень расстроилась. Ничего, теперь получит в подарок. Чтобы не особо горевала по поводу Никиной смерти.

А никто кроме Машки особо и переживать-то не будет. Родители умерли, воспитывала бабушка, прошлым летом тоже ушла – тихо, спокойно, достойно. Мудрая была женщина, единственно верный и правильный человек, девяносто лет прожила.

Ника взгляделась в притягивающую ночную бездну – внизу светлячками то там то здесь мелькали огни проносящихся по шоссе машин. Свержу тёмный купол неба сверкал яркими точками звёзд. И Луна такая необычно большая и ясная, полнолуние в начале лета. Вот почему душе нельзя сразу улететь наверх к звёздам? Почему, чтобы попасть в вечный космос нужно сначала упасть вниз?

Ника убрала руки с бортика лоджии и пошла переодеваться. Раздался звонок мобильного. Это Митя, Митя всё-таки решил вернуться – мелькнула абсолютно невероятная мысль и она судорожно схватила смартфон.

– Ника, добрый вечер, ты приедешь? Мы договорились на девять вечера, сейчас уже одиннадцать, у тебя что-то случилось?

Она не сразу узнала голос господина Баркли, американца, к которому она три раза в неделю утром в понедельник, среду и пятницу приходила заниматься русским на двадцать восьмой этаж одной из высоток в Сити. Ника никак не могла

понять, чего хочет её дотошный ученик и почему она должна к нему явиться на квартиру в столь позднее время и уже была готова распрощаться, как обиженный голос господина Баркли сообщил, что он уже перевёл ей на карточку тысячу пятьсот долларов за совместный weekend, пусть она проверит и выполнит данное ему обещание.

Боже, вот это да! Конечно, она знала, что у американцев плохо с юмором, но чтобы до такой степени! От такого неожиданного «возвращения в реальность» Ника опешила. Ничего себе пошутила, называется. Вот это поворот. Её ученик, Дэвид Баркли, холёный сорокалетний американец, начальник отдела банковского аудита в известной консалтинговой компании, всегда был с ней предельно вежлив, сдержан, никаких эмоций, только иногда сквозь ровный холод серых глаз проскальзывал хищный блеск – волк, умный породистый волк, как на её любимой открытке, которую она привезла из Канады.

И когда в понедельник в конце занятия господин Баркли сказал, что из-за командировки ему придётся пропустить среду и пятницу и не могла бы она приехать к нему на квартиру в субботу-воскресенье в Крылатское чтобы восполнить пропущенные занятия, Ника в ответ решила пошутить и сказала, что её время в выходные стоит ну о-о-очень дорого.

– И сколько же стоит провести с вами выходные? – невозмутимо поинтересовался Дэвид.

– Тысяча долларов, – не моргнув глазом ответила Ника.

– А если с вечера пятницы, ну чтобы ты приехала в пятницу часов в девять и осталась до вечера воскресенья? – уточнил американец.

– Ну тогда вообще тысяча пятьсот, – рассмеялась Ника и мгновенно забыла об этом разговоре.

Проверив счёт по мобильному банку, Ника убедилась, что господин Баркли принял её шуточный ответ за чистую монету: ещё утром на её карточку Visa, на которую он перечислял ей деньги за уроки русского, пришли тысяча пятьсот долларов. Мама дорогая, ну и дела! Нет, уходить из жизни с такими долгами как-то неприлично, надо сейчас же перевести деньги обратно этому непонятливому американцу или... или поехать к нему на квартиру и... будь что будет. Совершенно неожиданно в её застывшей душе зажглась крохотная искорка интереса.

А вот интересно, что будет? И как всё это будет? Стыдно признаться, но у неё в жизни всего-то два мужика было. Двадцать восемь, из них четыре года с Андреем, четыре с Митей. И всё, никаких сексуальных контактов на стороне, верная чистая женщина. И что теперь? С пятнадцатого этажа головой вниз? Как решила? А может перед этим стоит попробовать? Как раз господин Баркли под номером три получается, а как известно, Бог троицу любит. Почему-то пришла в голову одна из присказок любимой бабули – «Ника, когда ты думаешь, что всё кончено и хуже уже не будет, помни,

именно в этот момент и начинается всё самое интересное».

Уже через полчаса Ника в своём роскошном кружевном платье стояла на пороге квартиры господина Баркли в Крылатском, благо она живет близко в Кунцево, домчала быстро.

– Wow, you look gorgeous! – Дэвид застыл от изумления, увидев свою преподавательницу в неотразимом облике обольстительницы, который она так старательно создавала специально для любимого Мити.

– Можно я пройду? – насладившись произведённым эффектом наконец сказала Ника.

– Да, да, конечно, сейчас покажу тебе твою комнату, – поспешно подхватил её сумку Дэвид.

– А что, разве мне полагается отдельная комната? – удивилась Ника.

– Конечно, ты же не на один вечер приехала, должна чувствовать себя комфортно.

Ничего себе квартирка, – отметила про себя Ника, осматривая просторные апартаменты, оформленные в стиле хайтек, – неплохо компания своих начальников обустроивает. Пройдя в отведённую ей комнату, Ника сразу обратила внимание на шикарный букет роз в вазе на столе, цветы были редкого персикового оттенка, именно такого, какой ей нравился.

– Это тебе. (разговор шёл на английском, удобно объединившим «ты» и «вы» в одном местоимении, но как чуткий

к языку человек Ника понимала, что оказавшись в квартире господина Баркли на его условиях они неизбежно перешли на «ты»).

– Мне? А как ты догадался, что это мой любимый цвет?

– Я особо не гадал, просто мне показалось, что персиковый – это твоя цветовая гамма. Разве не так?

– Да, да, конечно. Ой, а что это? – воскликнула Ника, заметив на столе рядом с букетом два билета со знакомым консерваторским символом.

– А это билеты на завтрашний концерт трио роялей Bel Suono в консерватории. Ты как-то упоминала, что любишь классическую музыку, я тоже. Стараюсь по субботам куда-нибудь на концерт выбраться. Мне мои московские коллеги посоветовали, сказали, отличное исполнение. Пойдём?

От удивления у Ники пропал дар речи. Bel Suono. Да она уже сто лет как мечтала ещё раз пойти на их концерт, после того как первый раз послушала в Доме Музыки. Митю упрашивала её сводить, всё-таки музыкант, свой человек в консерватории. Тщетно, по его мнению, Bel Suono – это издевательство над классикой и не заслуживающая внимания дешёвая попса. И вот уже завтра она снова услышит это замечательное трио роялей, и они наверняка исполнят её любимый Венгерский танец Брамса. Нет, не зря она надела свои воздушные кружева, именно в этом кремовом платье и пойдёт завтра на концерт. А пока... пока что-то очень хочется есть.

От неожиданных «подарков судьбы» в виде персикорозового букета и билетов на Bel Suono застывшая Никина душа начала оттаивать и позволила ей вспомнить о нуждах телесных. «Боже, как я же голодна! – вдруг спохватилась Ника, вспомнив, что у неё с самого утра маковой росинки во рту не было. Такой длинный полный забот и переживаний день, что она и поесть то не успела. Ужас как голодна, даже на пиццу по доставке согласна. Ну что ещё от этого американца можно ожидать, кроме заказной пиццы?

– Ты, наверное, проголодалась, – сказал Дэвид, словно считывая её мысли своим пристальным взглядом, – ты пока переоденься и приходи на кухню. Я нам стейки из мраморной говядины приготовлю, а ты мне с салатом поможешь. Если конечно ты не против. У тебя что-то casual из одежды с собой есть? А то такое шикарное платье не для кухни.

– Слушай, а как ты мои желания угадываешь? – не удержалась от вопроса Ника, отметив: «надо же какой у Дэвида взгляд внимательный, прямо как у того канадского волка». – Я действительно очень голодна и хочу именно мяса, потому что у меня первая группа крови.

– Какое совпадение, у меня тоже первая группа. Охотники, любим мясо. А что касается угадывания твоих желания, то я стараюсь, – и заговорщицки улыбнувшись, Дэвид отправился на кухню.

После отменного стейка и бокала красного Никина изра-

ненная душа пришла в полную гармонию с напитавшимся земными удовольствиями телом. С благодарностью взглянув на человеческое воплощение своего канадского волка, Ника заметила в его серо-зелёных глазах хищный блеск и поняла, что всё «самое интересное» скоро начнётся и не ошиблась.

– Кто первый пойдёт в душ? Тебе как удобнее? – голос Дэвида звучал так обыденно, как будто они уже лет десять прожили в браке.

– Я после тебя, если не возражаешь. Я люблю долго плескаться, – стараясь говорить также буднично ответила Ника.

Пройдя в спальню после душа, Ника к своему удивлению застала Дэвида уже спящим. Она осторожно устроилась рядом и стала разглядывать лежащего на спине ученика. В свете ночника Дэвид ещё больше походил на её канадского волка, породистый такой волк, холёный. Мышцы на руках сильные, сразу видно тренированные, наверняка в спортзал ходит. Даже подшёрсток на груди небольшой имеется. Не удержавшись от любопытства, Ника осторожно приподняла покрывало: м-да, настоящий самец, со всеми соответствующими причиндалами. Она тронула Дэвида за плечо, но тот не проснулся, а лишь с протяжным вздохом улёгся на бок, повернувшись к ней спиной.

Наверное, волк устал, – подумала Ника и удобно устроившись на своей половине огромной кровати, закрыла глаза. Какой же сегодня необычайно длинный день – день подго-

товки к решающей встречи с Митей. Подъём в шесть чтобы успеть к восьми на стрижку-укладку в салоне, надо, чтобы Митя увидел её неотразимо красивой, с десяти до трёх на защитах дипломных на родном журфаке, с четырёх до семи – по магазинам, наводила лоск в квартире к приходу любимого, готовилась. В восемь появился Митя с «лерунчиком», разрушив последние надежды на воссоединение и слолав Волконские пирожные, к одиннадцати душа умерла, заодно решив расстаться с телесной оболочкой путём сбрасывания её с лоджии пятнадцатого этажа. Потом этот звонок госпо-дина Баркли и череда совершенно непривычных для неё исполнений желаний: розы любимого нежно-персикового оттенка (Митя никогда не мог угадать цвет и обычно дарил темно-бордовые), билеты на концерт *Bel Suono* (Митя презрительно называл их опошлением классики, «все эти твои Ванессы Мэй, Дэвиды Гэрреты и прочие *Bel Suono*») и наконец вкуснейший стейк из мраморной говядины с бокалом красного.

«Как ты угадываешь мои желания? – Стараюсь», – вспомнился обрывок их с Дэвидом разговора. По мере того, как сознание Ники устало перебирало события дня, её дыхание становилось всё более сонно-ровным, в какой-то момент она почувствовала, что вновь оказалась на своей лоджии на пятнадцатом этаже и, не раздумывая, прыгнула вниз прямо в темноту ночи, но почему-то её невесомое тело не расплющилось об асфальт, а легко устремилось вверх и полете-

ло над ночной Москвой.

«Боже, красота какая, – сквозь сон отметила Ника, – как всё подсвечено, высотки, Сити, площадь Пушкина, Тверская, Большой театр, а вот и консерватория». Услышав знакомые звуки сороковой симфонии Моцарта, она беспрепятственно влетела в Большой зал, на сцене которого расположился симфонический оркестр. Отыскав глазами среди музыкантов Митю с «лерунчиком», она помахала им рукой и вылетела в окно, поднимаясь всё выше и выше, пока наконец не оказалась рядом с огромным Лунным диском цвета топлёного молока. К её удивлению, молочный лунный свет оказался вовсе не холодным, как это принято считать, а неожиданно тёплым, вдоволь понежившись в его бело-желтых волнах, Ника наконец забылась.

На следующее утро она проснулась от солнечных зайчиков, которые весело играли на зеркальной поверхности шкафа и отражаясь светили ей прямо в лицо. Взглянув на спящего рядом Дэвида, она улыбнулась: «надо же как крепко спит, всю ночь проспал на одном боку, даже не повернулся». Она пошла в душ, вернувшись, обнаружила Дэвида всё ещё спящим. «Удивительно, сколько можно дрыхнуть, прямо не волк, а лев какой-то, это львы столько спят, а волки охотятся», – подумала она и пользуясь преимуществом бодрствующего перед спящим, стала разглядывать Дэвида уже при дневном свете. «Действительно, порода чувствуется, та-

кие черты лица правильные, даже чуть на Роберта Редфорда похож, и как это я раньше не замечала».

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Дэвид наконец открыл глаза. Увидев Нику, улыбнулся, и тотчас осознав, что непроспительно проспал всё самое интересное, возмущённо хлопнул себя по лбу:

– Черт, черт, черт. Кажется, я проспал всё самое интересное. Боже, какой я дурак, извини.

Слушая торопливые оправдания виновато улыбающегося Дэвида, как «вместо того, чтобы заниматься с ней любовью, о чём он так долго мечтал, он полный идиот просто вырубился и непроспительно проспал всю ночь like a log, потому что командировка была очень сложная и ответственная, две ночи подряд не спал, готовил документы по контракту, потом из аэропорта сразу на работу, и он законченный дурак, потому что проспал всё самое интересное», Ника почувствовала как её душа расправляет крылья, готовясь к полёту, и подумала – «ничего ты, господин Баркли, не проспал, всё самое интересное только начинается».

Надёжный способ преодоления страха

«Господи, ну за что ей такое наказание? Не нужен был ребёнок – залетела, пришлось сделать аборт. Теперь вот страсть как хочет малыша, а не получается. Врач сказал, что после того неудачного аборта шансов забеременеть вообще практически ноль», – выйдя из поликлиники Лиза понуро брела через парк и, присев на ближайшую скамейку, расплакалась. «Ну почему мне так не везёт с личной жизнью, уже тридцать три, ни семьи, ни детей, даже ребёнка для себя родить и то не могу оказывается».

От грустных мыслей оторвал звонок коллеги по работе и по совместительству близкой подруги Маши:

– Лизок, привет! Хочешь на свой любимый Байкал на недельку смотать? Тут как раз прекрасная возможность образовалась – фотограф из Ирландии едет туда на съёмки, нужен переводчик-сопровождающий. Лучше тебя никто не справится, ты же все эти Слюдянки-Листвянки и прочие Ольхоны как свои пять пальцев знаешь. И оплата более чем достойная, так что соглашайся, подруга.

Конечно, поедет, какие сомнения, Байкал для неё сейчас – это именно то, что доктор прописал, лучшее лекарство от хандры.

Ирландский фотограф Дункан Росс оказался высоким симпатичным мужчиной лет тридцати пяти с серьёзными серыми глазами и огненно-рыжими волосами. «Вот это да, – не в силах оторвать взгляд от яркой шевелюры ирландца, – отметила про себя Лиза, – я таких рыжих в жизни не видела, просто пожар на голове какой-то».

За шесть часов полёта до Иркутска Лиза смогла убедиться, что Дункан Росс не только профессионал высшего класса, но ещё и экстремал. Глядя на снимки дымящегося жерла вулкана, огненных потоков лавы, захлёстывающих дома цунами, машин, увлекаемых потоками воды, пальм, согнутых под напором урагана, зубастую пасть огромной акулы, и слушая увлекательные рассказы ирландца о том, как он чуть не свалился в раскалённый поток лавы и как ему едва не отхватила руку вместе с камерой вот эта самая акула, Лиза поняла, что с этим сумасшедшим фотографом ей скучать не придётся. Тем более он уже намекнул, что хочет снимать не только Байкал, но и лесные пожары, которых в начале лета в иркутском регионе бывает предостаточно.

«Да, дела, – вздохнув отметила про себя Лиза, – но будем надеяться, что всё обойдётся».

Однако проблемы начались уже в Иркутске. Вместо опытного экскурсовода Светланы их встретил молодой разухабистый парень Илья, который с места в карьер стал предлагать иностранному гостю типичный набор местных развле-

чений – водка, банька, рыбалка, и т. п. К счастью, ирландец отнесся к предложенным сверх утверждённой программы мероприятиям весьма прохладно, попросив иркутского сопровождающего уточнить рабочий график поездок по дням и часам.

В первый же вечер Дункан разрушил стереотипное представление об ирландцах как пьющей нации, ограничившись в ресторане одной стопкой водки под предлогом что завтра предстоит много работы и ему нужна ясная голова. К великому разочарованию Ильи идею попариться в бане с девочками также не удалось реализовать.

– А что, в России так принято в баню ходить? Мужчины и женщины вместе? – с подозрением спросил ирландец.

– Ну как сказать, по взаимному согласию можно, – уклончиво ответил Илья.

– А ты с нами пойдёшь? – обратился Дункан к Лизе.

– Я? – не в силах скрыть возмущения воскликнула та, – нет, я не по этой части. Я переводчик, а не...

– А не кто?

– Сам догадайся.

– А как переводчик пойдёшь? Вдруг мне в бане переводчик тоже понадобится? – попытался пошутить Дункан.

– Обойдётся.

– Понятно. Ну тогда предпочту чисто мужскую компанию.

Наблюдая как вечером на берегу Байкала у костра Дункан щёлкает камерой, стремясь запечатлеть каждый момент

фантастических красок заката, Илья скептически заметил:

– Неправильный какой-то этот ирландец, не настоящий. Водку не пьёт, баб не е – т. Одним словом – рыжий.

– Дурак ты, – спокойно парировала Лиза, – разве не видишь, что его кроме фотографии больше ничего не интересует. И вообще отстань от человека со своими сомнительными предложениями.

Яркий байкальский калейдоскоп быстро вытеснил московские проблемы, с каждым днём Лиза оживала, наполняясь энергией новых впечатлений: экскурсия по Иркутску, концерт юных музыкантов в центре Дениса Мацуева, прогулка по водной глади озера на катере, путешествие на историческом поезде по старой железной дороге вдоль байкальского берега, пеший поход через лес к горной речке, купание в освящённой воде заповедного озера, подъём на скалу Чёртов палец, на которую Дункан сначала не хотел взбираться, но всё-таки полез, соблазнившись кадрами потрясающих видов. И, конечно, везде традиционные байкальские угощения – омуль солёный, омуль копченый, омуль печёный, бозы такие, бозы сякие, бозы всякие разные. А ещё клубника, которая из-за какого-то особого климата растёт возле Байкала как на дрожжах – крупная, сладкая, ароматная.

На четвёртый день паром доставил команду на Ольхон, от новой встречи с которым Лиза погрузилась в состояние абсолютного счастья: разместились в деревянном коттедже

прямо на берегу и в первый же вечер она наконец смогла вдоволь наплаваться в кристально прозрачной воде священного озера.

Ольхон подарил поход на мыс Бурхан, посещение музея шаманов, полёт на спортивном самолётике вокруг острова, от видов которого Дункан пришёл в полный восторг, посиделки-разговоры у вечернего костра в интернациональной компании почитателей Ольхона. Вечером перед отъездом, когда Дункан в очередной раз щёлкал камерой, ловя краски заходящего солнца, а Лиза старательно вязала разноцветные ленточки на один из четырёх высоких деревянных шестов, установленных для всех желающих обратиться с просьбой к духам на мысе Бурхан, к ней подошёл пожилой похожий на бурята мужичок, явно из местных:

– Счастья хочешь, красавица? Будет тебе счастье, скоро исполнится твоё самое заветное желание, только ты ничего не бойся. Найди способ как страх преодолеть, тогда всё у тебя получится.

«И чего это мне не бояться», – удивилась Лиза, но к словам шамана отнеслась серьёзно.

В сувенирной лавке, соблазнившись уникальными свойствами камня под названием шунгит, Дункан накупил брелков-магнитиков и уже собрался возвращаться в гостиницу, как заметил, что Лиза вертит в руках фигурку лягушки ярко розового цвета:

– Нравится? Это что за красота такая?

– Это арбузный кварц, очень редкий и красивый камень, его так из-за необычного цвета спелой арбузной мякоти называли. Именно арбузный, а не розовый, розовый кварц другой, гораздо светлее.

– Можно я тебе этого симпатичного лягушонка куплю?

– Да зачем мне эта безделушка, какая от неё польза.

– А разве красота обязательно должна быть полезной?

– Предпочитаю красивым вещам полезные, – ответила

Лиза и вышла из магазина.

Возвращение в Иркутск после Ольхона напомнило апокалипсис, город заволокло жёлтое марево лесных пожаров. «Слава Богу, завтра в ночь обратно в Москву», подумала Лиза. Но провести следующий день спокойно не удалось, упрямый ирландец вовсе не собирался отказываться от своих планов по съёмкам горящего леса. Заметив у гостиницы авто с узнаваемыми буквами TV, он буквально вцепился в переводчицу, чтобы та договорилась с местными телевизионщиками, которые собирались ехать делать репортаж о выгоревшей деревне, взять их с собой. Оказавшись на месте Лиза ужаснулась: от деревянных домов остались одни почерневшие столбы, возле которых копошились лишившиеся крова жители, тщетно пытаясь найти что-то из уцелевшего скарба.

«Ужас какой, прямо как на войне», подумала она, с осуж-

дением глядя на щёлкающего камерой Дункана, – у людей горе такое, а он снимает. Вот интересно, если бы у него на глазах кто-нибудь тонул, он бы спасать бросился или продолжал свои картинки щёлкать?»

На обратном пути Дункан сказал, что поведёт машину сам, пристроившись вслед за телевизионщиками. Не раскусив подвоха, Лиза согласилась, и как оказалось, напрасно. На полпути, вместо того, чтобы следовать за машиной ТВ, Дункан лихо свернул на шоссе, ведущее прямо в сторону пылающего леса.

– Ты что делаешь?! Совсем что ли? Там опасно, – тщетно попыталась остановить любителя экстрима Лиза.

– Не бойся, я только несколько кадров поближе сделаю, ты оставайся в машине, я всего на пять минут, не больше.

Ну уж нет, ещё не хватало, чтоб этот дурной ирландец здесь сгорел, потом с неё в Москве за него три шкуры спустят.

Дункан подошёл к горящим деревьям совсем близко, несмотря на страх, Лиза последовала за ним. Они уже собирались вернуться к машине, как сильный порыв ветра в момент перекинул огонь на верхушки ближайших деревьев, и Лиза с Дунканом оказались в самом центре огненной воронки, всё скрывшей в жёлтом угарном дыму. Скорее обратно, но как – стена огня отрезала от шоссе, куда бежать, как спастись из этого раскалённого ада. Лиза в ужасе застыла, чувствуя, что ещё немного и у неё от жара вспыхнут волосы.

Схватив совершенно растерявшуюся Лизу за руку, Дункан рванул в образовавшееся в огненном вихре «окно», и через мгновение они оказались на берегу малюсенького почти высохшего от жара озера в центре которого возвышался крохотный островок.

– Вот он, остров спасения, давай туда, – Дункан втащил Лизу на чудом сохранившийся клочок всё ещё покрытой зелёной травой земли.

Пытаясь отдышаться и глядя на полыхающий вокруг лес Лиза поняла, что им не выбраться и ей придётся сгореть заживо как Жанне Д'Арк, и виноват в этом бешеный ирландец, любитель экстрима. Она разрыдалась:

– You fucking idiot, гад, сволочь, всё из-за тебя. Из-за твоего дурацкого упрямства мы сейчас погибнем, сторим заживо. Ну, что же ты не фотографируешь? Что?! Страшно? Да кто теперь увидит эти твои картинки, из-за которых ты душу дьяволу продал? И соришь ты в аду, как самый худший грешник! Только почему я должна вместе с тобой сгореть? Я не хочу, я жить хочу, мне страшно! – от бессилия Лиза начала хлестать рыжего ирландца руками по лицу, колотила в грудь, пока Дункан не схватил её и крепко прижал к себе.

В сильных мужских руках Лиза затихла, интуитивно почувствовав, что нужно сделать, чтобы преодолеть страх перед лицом неизбежной смерти. Если им суждено уйти, то легче уйти вместе, вдвоём не так страшно, и судя по действиям Дункана, он подумал о том же: обнять, прижать, со-

единиться, проникнуть друг в друга и раствориться, превратившись в одно целое, в туго сплетённый человеческий клубок, пульсирующий в предсмертной любовной судороге. Быстрее, быстрее, быстрее, ещё чуть-чуть, и всё, сейчас они вознесутся... Да! Кончено.

«Никогда не думала, что переход в состояние небытия может быть таким адски-божественным», - Лиза вдруг совершенно чётко поняла, что имел в виду Высоцкий, когда пел о «гибельном восторге». Вот где она сейчас? В аду? В раю? Или всё ещё на этом клочке земли в окружении пылающего леса?

Неожиданно к трескучему звуку лесного пожара присоединился низкий гул, и на спасительный островок упали капли дождя. На самом деле это был вовсе не дождь, а остатки долетавших до земли тонн воды, сброшенных с самолёта пожарной авиации. Очнувшись, Лиза с Дунканом вскочили с земли и бросились сквозь рассеявшийся на какое-то время дым к оставленной на шоссе машине.

По дороге в гостиницу оба сосредоточенно молчали, пытаясь переварить случившееся. И Лизе, и Дункану казалось, что на какое-то время они словно попали в другую параллельную реальность, и теперь, возвратившись обратно, просто не знали, как вести себя друг с другом после произошедшего. Чудом успев на свой ночной рейс, путешественники проспали в самолёте до самой посадки.

Прощание в Шереметьево было кратким: Дункан спешил

на стыковочный рейс до Кейптауна, где его ожидал очередной экстремальный проект.

– Прощай, мышь, – с чуть виноватой улыбкой сказал он.

– Почему мышь? – удивилась Лиза.

– Джон Фаулз, «Башня из черного дерева» (The Ebony Tower). Помнишь, почему художник называл Диану мышью, mouse?

Конечно она помнит, The Ebony Tower её любимое произведение. Надо же, какие интересные аналогии.

– Дурак, – покраснев, сказала она.

– Пусть я «дурак». Мне Илья сказал, что на русском дурак не всегда обидное слово. Дураки в России счастливые.

– Дуракам на Руси счастье?

– Ну да. И знаешь ещё почему ты мышь? Потому что эта поездка на Байкал была самым лучшим опытом в моей жизни (the best experience in my life, конечно, разговор шёл на английском, просто для удобства читателей перевожу). И не только из-за Байкала, из-за тебя. Ты была рядом и мне было хорошо, ты моя муза, мышь. (Muse, mouse). И кстати, вот тебе на память – та самая лягушка из арбузного кварца, которая тебе понравилась на Ольхоне. И поверь мне, красота полезна всегда, даже если ты её не можешь оценить сразу.

Спустя девять месяцев у Лизы родился мальчик, копия того самого ирландского фотографа, такие же внимательные серые глаза и огненно-рыжая шевелюра. Лиза назвала пода-

рок судьбы, а именно так она, напуганная диагнозом «бесплодие», восприняла рождение ребёнка, Денисом.

Денис, Динька, звонкоголосый колокольчик Динь-Динь сразу стал любимцем всех её подруг и коллег по работе. Только неугомонная Машка иногда доставала: сообщи своему рыжему ирландцу о сыне, а то не по-человечески как-то. Такой малыш замечательный, тем более копия отца, разве что пока без фотоаппарата. Но Лиза не торопилась следовать советам, она родила ребёнка «для себя», как и хотела. И сейчас они с Динькой вполне счастливы и никакой экстремальный папаша им не нужен.

Со времени байкальского приключения прошло два года. Как-то в конце мая позвонила Маша, таинственным голосом сообщив, что в конторе Лизу ожидает сюрприз, только пусть она приходит с Динькой, потому что ребёнку сюрприз тоже будет интересен. «Наверное, друзья-коллеги столы к моему дню рожденья накрыли. Как никак почти юбилей, тридцать пять лет», подумала Лиза и, нарядив сына, поехала на работу.

Открыв дверь в просторный офис, где обычно собирались переводчики, она обомлела: среди комнаты стоял рыжий ирландец Дункан Росс и о чём-то увлеченно беседовал с Машей. Увидев Лизу с ребёнком, он замер, не в силах отвести глаз от своей уменьшенной копии, маленького рыжего мальчика с большими серыми глазами. Справившись с шоком от первого впечатления, ирландец подхватил Диньку на ру-

ки, и они с интересом стали рассматривать друг друга. Глядя как сын крепко вцепился в рыжую шевелюру отца, Лиза поняла, что этот «союз рыжих» ей уже не разорвать никогда.

A Comme Amoure, **Ричард Клайдерман**

«Чёрт, опаздываю, а всё из-за того, что возле Метрополя машину припарковать негде, пришлось в переулках место искать», – Олины каблочки звонко процокали мимо ЦУМа, мимо Малого театра, осталось преодолеть подземный переход – и на месте. Она очень спешила, в ресторане гостиницы ждала верная подруга двадцатилетней выдержки Лилля, её надёжное плечо, а в случае необходимости и «жилетка», в которую можно было спокойно поплакаться. Хотя причин для плача у Ольги, счастливой успешной женщины сорока лет, уже давно не было, – любящий муж, четверо детей (три сыночка и лапочка дочка), дом полная чаша, интересная творческая работа (специалист по истории музыки на факультете искусств).

Заполнившая гулкое пространство перехода мелодия, которую на старенькой пианоле играл примостившийся у колонны уличный музыкант заставила остановиться. Её любимая *A Comme Amoure* в исполнении худого помятого мужика с седыми космами звучала не хуже, чем у самого автора, знаменитого французского пианиста Ричарда Клайдермана.

Подойдя ближе, Ольга окинула музыканта долгим внимательным взглядом, словно пытаясь под возрастным слоем

уловить некогда любимые черты.

«Боже, неужели Антон? Тот самый Антон Ковальский, сокурсник по консерватории, из-за несчастной любви к которому она двадцать лет назад пыталась покончить с собой? Не может быть, как этот лучший ученик по классу фортепиано, участник международных конкурсов, которому все прочили блестящее будущее оказался здесь, в подземном переходе? Нет, не мог златокудрый красавец польских кровей по прозвищу Шопен так опуститься».

– Что изволит мадам? Любой каприз за ваши деньги, – оценивающе взглянув на красивую ухоженную женщину, наигранно лакейским тоном обратился к ней музыкант.

– Сыграйте эту пьесу ещё раз, пожалуйста.

Нежная мелодия зазвучала вновь, и, глядя, как длинные тонкие пальцы ласкают клавиши, Ольга невольно перенеслась на двадцать лет назад, в один из классов московской консерватории, когда она точно также смотрела на эти руки и мечтала только об одном, чтобы их обладатель Антон Ковальский обратил на неё хоть чуточку внимания. Один взгляд, одно слово, и она готова была побежать за ним хоть на край света, лишь бы смотреть на одухотворённое шопеновское лицо с прозрачными серыми глазами и слушать как волшебные руки творят прекрасную музыку.

Следует признать, что её сильное чувство во многом было спровоцировано именно музыкой – так эмоционально, так

искренне, как Антон Ковальский не умел разговаривать с ро-
ляем никто. Даже знаменитую A Comme Amour он испол-
нял лучше самого Ричарда Клайдермана.

Услышав, как рассыпается на сотни звенящих брызг
кульминационный аккорд, Ольга отбросила все сомнения –
да, этот потрёпанный мужчина именно он, Антон Коваль-
ский, неповторимую манеру исполнения которого она узна-
ет из тысячи, потому что двадцать лет назад целых десять
дней, точнее всего десять дней, эта мелодия звучала только
для неё.

Всё случилось весной, в конце четвёртого курса, когда
Ольга с Антоном оказались в Варшаве в числе участни-
ков международного конкурса имени Шопена. То ли воль-
ный воздух залитой солнцем польской столицы подейство-
вал, то ли эйфория от победы на столь престижном конкур-
се, но Антон вдруг ответил на чувства влюблённой девчон-
ки. Да ей и не важно было, что послужило причиной столь
неожиданной перемены в поведении предмета страсти, глав-
ное, главное то, что недостижимый Антон Ковальский теперь
с ней, и отныне они вдвоём навсегда, и впереди их ждёт
долгая и счастливая жизнь, наполненная любовью, музыкой,
и совместным творчеством. Со своим ярким талантом Антон
наверняка будет востребован в лучших филармониях мира,
а она, его верная Олька-бемолька, всегда будет рядом.

Но, как это часто бывает, романтические мечты – одно,

а жизнь – совсем другое, так и Ольгино счастье оказалось коротким: по возвращении в Москву, Антон резко охладил, а узнав о беременности и вовсе прекратил отношения, прозаично предложив денег на аборт. Интеллигентная московская девочка в ужасе металась в поисках выхода, понимая, что нужно во чтобы то ни стало избавиться от ребёнка. Но как? Как сделать так, чтобы никто не узнал, тем более её строгие родители.

В отчаянии по совету одной безбашенной знакомой Ольга залезла в горячую ванну, практически кипятком с разведённой в воде горчицей. Результат – маточное кровотечение, скорая, больница, в которой похожая на ведьму пожилая врач-гинеколог провела известную женщинам операцию под названием «чистка», и видимо дала слишком слабый наркоз, потому что такой боли Ольга не испытывала никогда, внутренности как будто выскабливали острейшим лезвием, она кричала, молила ведьму о помощи, а та только сказала – «подделом тебе, девка, запомнишь, как дитё изводить», припугнув напоследок страшным диагнозом – и «вообще после всего что с собой сотворила, вряд ли теперь родишь».

Ей так и не удалось сохранить случившееся в тайне. Впав в депрессию, Ольга бросила консерваторию, и несмотря на пышное разноцветье июня, наполнившее Москву ароматом сирени, все дни проводила дома, уткнувшись носом в спинку дивана. Родители в такой непростой ситуации, повели себя неожиданно деликатно, не кричали, не ругались,

а отправили дочку в Крым к тётё Маше – отдохнуть на море и прийти в себя.

– Поезжай с богом Оленька, морская водичка с тебя все невзгоды смое, – обняв дочь, сказала мама.

Если бы только дорогая мамочка знала, что её единственная ненаглядная дочка задумала! А задумала она, не много не мало, в этом самом море утопиться. Решение уйти из жизни Ольга приняла ещё в больнице, зачем после такого вообще жить? Любимый предал, ребёнка убила, детей больше не будет, а главное, главное в голове перестала звучать музыка, вообще, наступила полная музыкальная глухота. Нет, с обычным слухом у неё всё было в порядке, а вот с музыкальным... она перестала слышать музыку так, как могла это делать прежде, со всеми тончайшими нюансами и оттенками, именно поэтому и ушла из консерватории.

Поездка на море пришлась как нельзя кстати, удачно решив вопрос со способом самоубийства. Резать вены Ольга точно не сможет, ей и так каждую ночь снилось, как жёлто-горчичная вода в ванной быстро становится красно-коричневой от её собственной крови. Выброситься из окна тоже не вариант, слишком публично, прыжок с десятого этажа девушки из приличной семьи навсегда разрушит папину репутацию – «надо же, у профессора МГУ дочь самоубийца», да и вид распластанного на асфальте тела зрелище не из приятных. Травиться таблетками – не факт, что не откачают,

к тому же неудавшихся суицидников отправляют в психушку, куда попадать ей решительно не хотелось. А вот утопиться в море – самое оно, с морем она всегда договориться сможет, не зря же Рыба по гороскопу. Никто и не узнает, что она нарочно утопилась, подумают просто утонула, мало ли что, может сердце подвело или судорога.

Совершить задуманное Ольга запланировала на третий день пребывания в гостеприимном тётушкином доме, во-первых, чтобы возникло меньше подозрений, во-вторых, чтобы в последний раз насладиться «маленькими радостями жизни» - в тётимашином саду росли такие сладкие и сочные абрикосы, которыми она никак не могла наесться, а ещё знаменитые чебуреки от дяди Яши на ялтинской набережной.

Видимо не почуяв «утопленческих настроений» своей верной «рыбки», морская стихия встретила Ольгу приветливым спокойствием. Плавая в приятно прохладной воде, она по ходу договаривалась с морским царём, чтобы после перехода в мир иной, в смысле морской, не лежать трупиком на дне, а чтобы превратил её в русалочку.

На третий день, словно услышав Ольгину просьбу о подходящей погоде, море заштормило, и на пляже вывесили жёлтый флаг. Аккуратно сложив на лежаке шорты-маечку, Ольга вошла в воду и поплыла, мысленно прощаясь с родителями, Антоном, тётей Машей, и всем тем, что до недавнего времени удерживало её на земле. Заплыв далеко за буй-

ки, она повернулась на спину, чтобы ещё раз взглянуть на солнце, которое несмотря на ветер и волны, светило ярко и радостно, и, сделав вдох, нырнула с твёрдым намерением на глубине «открыть шлюз», в смысле доступ воды в лёгкие.

Медленный выдох, и вот уже в рот, нос хлынула солёная вода, сердце тяжело заухало, отдавая в уши похоронным звоном, ещё чуть-чуть и всё будет кончено, она исчезнет из этого солнечного мира, или этот мир исчезнет для неё навсегда, и не станет ни солнца, ни моря, ни её, ни музыки, ни абрикосов, ни-че-го, но... «Не-е-е-ет!!!», – истошно завопил включившийся в последнюю секунду основной инстинкт, (кто думает, что основной инстинкт – это секс, ошибается, это желание жить), и Ольгино тело стремительно выскочило на поверхность.

«Дура, какая же я конченная дура, какой к чертям Антон? Какая любовь? Жизнь – вот самая главная ценность, глупейший вопрос – в чем смысл жизни, да в том, чтобы жить, просто жить – дышать, смотреть на небо, радоваться солнцу, есть абрикосы, слушать музыку», – страх смерти в мгновение прочистил мозги, и Ольга бросилась обратно к берегу.

Однако рассерженный морской царь никак не хотел отпускать свою потенциальную жертву, которой он уже уготовил участь русалочки, море плевалась в лицо солёными брызгами, сбивая дыхание, разыгравшиеся волны бросали тело из стороны в сторону, относя всё дальше от берега.

Чувствуя, что быстро теряет силы, Ольга повернулась

на спину чтобы передохнуть, как вдруг ощутила жёсткий удар в правую ногу, которую тотчас свело острой пронизывающей болью. «Акула, здесь недавно видели акул», – мелькнула невероятная мысль и женщину охватил приступ паники, она начала судорожно барахтаться, дыхание перехватило, и рот заполнила вода, которая из привычно солёной вдруг стала отвратительно горькой. В какой-то момент ей показалось, что море вокруг окрасилось в красно-коричневый цвет, как тогда в горчично-коровой ванне, превратившись из доброго друга в убийцу, который терзал беспомощное тело женщины, швыряя и сдавливая, пока наконец сознание не выключилось и не наступила полная тьма.

Ольга уже не увидела, как с подплывшего спасательного катера в волны бросился загорелый парень и нырял, нырял, нырял, пока не вытащил ушедшее глубоко под воду тело девушки на поверхность.

– Да хватит уже, Влад, бесполезно, – глядя с каким упорством напарник делает утопленнице искусственное дыхание, произнёс второй спасатель, – не оживёт, слишком долго в воде пробыла.

Однако профессиональные действия загорелого парня опровергли мрачный прогноз, несмотря ни на что Влад (а именно так звали спасшего Ольгу молодого человека) сумел вдохнуть в неё жизнь, причём «вдохнуть» в буквальном смысле этого слова.

Открыв глаза, Ольга увидела улыбающееся лицо склонившегося над ней молодого человека, и невольно улыбнулась в ответ, почему-то подумав, что сегодня вечером они будут есть сладкие тётимашины абрикосы вместе. Так оно и вышло, и вскоре высокий симпатичный Влад, оказавшийся выпускником одного престижного московского вуза, сменил статус «ухажёра» на почётное звание «законного супруга». «Бывает любовь с первого взгляда, а у нас «любовь с первого вдоха», – часто шутил он, намекая на то, при каких обстоятельствах познакомился с будущей женой.

Несмотря на предсказание злой гинекологши, Ольга родила четверых детей подряд – троих мальчиков и очаровательную девочку, превратив их с Владом союз в нерушимую крепость, все обитали которой искренне любили и поддерживали друг друга.

Наконец мелодия *A Comme Amoure* взмыла вверх и рассыпалась каскадом звенящих звуков заключительного аккорда. Ольга очнулась от всколыхнувших душу воспоминаний и в ответ на вопросительный взгляд музыканта, достала портмоне.

– Да, да сейчас, – торопливо произнесла она, протянув музыканту пятитысячную купюру.

Шокированный столь щедрым вознаграждением, Антон удивлённо посмотрел на стоящую перед ним женщину, без-

успешно пытаюсь вспомнить где встречал её раньше. Под пристальным взглядом Ольга инстинктивно коснулась рукой волос, словно желая поправить причёску, и этот случайный, но очень характерный жест мгновенно вернул Антона на двадцать лет назад – перед глазами возникла залитая весенним солнцем Варшава, он, победитель престижного музыкального конкурса, а рядом – влюблённая в него худенькая светловолосая девушка, которую он насмешливо называл Олька – бемолька и которая имела привычку именно таким очаровательным жестом поправлять выбившиеся локоны.

«Не может быть, неужели эта красивая ухоженная женщина, внешний вид которой демонстрирует все признаки богатства, и есть та самая робкая Олька- бемолька, скоротечные отношения с которой и романом-то назвать нельзя было», – подумал он и неуверенно спросил:

– Оля, ты? Олька- бемолька?

– Вы ошиблись, – с деланным спокойствием ответила женщина.

Однако в её красноречивом взгляде читалось совсем другое: «да, это я, та самая Олька-бемолька, которую ты бросил двадцать лет назад, но я справилась, и всё у меня в жизни сложилось, а вот тебя, судя по твоему теперешнему виду, судьба здорово потрепала».

Антон понимающе усмехнулся и, продолжая вертеть купюру в руках, спросил:

– Целых пять тысяч за A Comme Amoure, не много ли?

– Нормально. Просто мне очень нравится эта пьеса. Когда-то давно один молодой талантливый пианист, которого я очень любила, играл её специально для меня.

С минуту оба молчали, обмениваясь взглядами, которые лучше слов говорили о том, что они узнали друг друга.

– Прости меня, – наконец тихо произнёс Антон.

– Да всё нормально, давно простила, – ответила Ольга и с улыбкой добавив, – а ты по-прежнему играешь не хуже самого Клайдермана, – поспешила прочь.

При виде запыхавшейся подруги сидевшая за столиком Лиля спросила:

– Ты что так опаздываешь, случилось что?

– Нет, всё нормально, просто выпал шанс закрыть один давний гештальт.

– И как, удалось закрыть?

– Навсегда.

Наслаждаясь мартини с апельсиновым соком, Ольга думала о том, что на самом деле она очень благодарна Антону. Ведь если бы тогда Ковальский так жёстко её не бросил, она бы не стала топиться. Если бы не попыталась утопиться, не встретила бы Влада, если бы не встретила Влада, не родила бы троих замечательных сыновей и красавицу дочку и уж конечно никогда бы не была так счастлива. Выходит, именно Антон помог ей приобрести то, что у неё сейчас есть. Ни-

кому не ведомы помыслы сверхусморящего, и видимо, для того, чтобы двадцать лет назад Ольгина линия жизни изменила своё направление в счастливую сторону, ей нужно было достичь дна и оттолкнуться.

Селёдка на газете

Боже, какая же вкусная эта селёдка – селёdochка! Просто пальчики оближешь, – подумала Лиза, облизывая лоснящиеся от жира пальцы. – Сейчас выложу на тарелочку, сверху лучком, порежу Бородинского, минут через пятнадцать придёт подруга Машка с подарочной бутылкой водки Finlandia, и все проблемы к чертям.

Нет, они с Машей, конечно, не алкоголики, но если есть важный повод, то можно. А сегодня у неё целых два повода, причём суперважных – один грустный, другой радостный. Грустный – они с Никитой расстались, и на этот раз уже окончательно. Три года своей молодой жизни на него потратила, в трудные минуты поддерживала, финансово помогала, а он, как только на телевидение ассистентом в литературную программу устроился, сразу ушёл, сказав на прощанье «ты Лиза для меня как прочитанная книга больше не интересна, с тобой скучно, нет в тебе креатива».

Понятно, где креатив нашёл – роман с телевизионной редакторшей завёл, наглая, стервозная, стильная. Через неё и на работу на телевидение попал.

Второй повод очень радостный – она не беременна! Несмотря на все признаки и внезапно образовавшуюся тягу к солёненькому (не зря селёдку прикупила), сегодня наконец был вынесен объективный врачебный вердикт – сво-

бодна! Хорошо, что Никита её с таким подарочком не оставил и теперь спокойно можно жить дальше, не рыдая над выбором: аборт или мать-одиночка. Так что ура, 28 лет, полёт нормальный.

Лиза взяла со стола газету «МК», на которой чистила се­лёдку, и уже собиралась выбросить замусоленные страни­цы, как взгляд зацепился за небольшое объявление. Следуя неистребимой привычке читать всё подряд, Лиза пробежала глазами текст, часть которого была написана на английском. «Ecole Lemania in Lozanne, Switzerland, invites to summer language courses in English and French». Языковая школа в Лозанне, Швейцария, приглашает на летние курсы англий­ского и французского языков.

«А вот это уже интересно, – подумала она. Будучи моло­дым энергичным преподавателем английского в университе­те, Лиза грамотно использовала служебное положение для организации студенческих поездок за рубеж на языковые курсы. А что? На дворе середина девяностых, рынок образо­вательного туризма ещё не поделен между нарождающимися акулами нового российского капитализма, поэтому многие преподаватели действуют как индивидуальные предприни­матели: собирают группы студентов, сами списываются с за­рубежными университетами и языковыми школами и впе­рёд. И студентам хорошо, и преподавателю выгода – хоть ка­кой-то шанс в стране изучаемого языка побывать. Лиза та­ким макаром уже трижды в Англию съездила, а чем Швей-

цария хуже?

Задумано, сделано. Быстренько нашлись пятнадцать желающих, приглашения, визы, билеты, всё как по маслу, и вот уже через полтора месяца в конце июня она в Лозанне, в той самой языковой школе Эколь Леманья.

Первая неделя пролетела как в сказке – сама школа вместе с общежитием расположены в старинном особняке на одном из красивейших холмов Лозанны, преподаватели классные, студенты всем довольны, экскурсионная программа вообще супер. За шесть дней успели столько всего увидеть – живописные городки Вёве и Монтрё на берегу Женевского озера, памятник Чарли Чаплину, Шильонской замок, Берн, Женеву со знаменитым фонтаном, бьющим прямо из середины озера. А сколько ещё интересного предстоит на следующей неделе! Поездка в горы, Цюрих, даже экскурсию на пароходике во французский Эвиан обещали организовать. И погода такая тёплая, солнечная, просто подарок судьбы. Да ещё можно одной спокойно прогуляться пока студенты на занятиях сидят.

«Какая же всё-таки здесь красота, прямо действительно как на открытке» – подумала Лиза, наслаждаясь неспешной прогулкой по набережной. – А вот и скамеечка удобная, можно отдохнуть и позагорать». Она уже собиралась присесть, как взгляд зацепился за что-то маленькое и блестящее. Подняв валявшийся на земле предмет, Лиза даже вскрикнула от восторга. Это было кольцо, но какое! Массивное сереб-

ряное кольцо изысканной формы в виде цветка розы с изящно выющимися лепестками.

Вот это да! Достойное пополнение её коллекции ювелирных роз, начало которой положила доставшаяся от бабушки янтарная роза в виде старинной броши, потом прибавились кольцо с розой из белого нефрита, кольцо с розой из нежно розового коралла, в прошлом году в Англии купила себе колечко с миниатюрной розочкой оттенка красного золота, и вот тебе этот шедевр ювелирного искусства – серебряная роза. Вдоволь налюбовавшись находкой, Лиза надела кольцо на безымянный палец.

«Надо же, как подошло, словно для меня сделано», – подумала она и закрыла глаза, подставив лицо нежным лучам июньского солнца. Однако буквально через минуту проникающий сквозь веки солнечный свет из алого превратился в чёрный. «Какой гад закрыл от меня солнце», – возмутилась Лиза и, открыв глаза, увидела стоящего прямо перед собой высокого светловолосого парня в белой рубашке поло и синих джинсах.

– Sorry to disturb you, haven't you seen a silver ring here near the bench? – обратился к ней молодой человек. (Извините за беспокойство, вы не видели здесь возле скамейки серебряное кольцо?) *Дальнейший диалог естественно шёл на английском, но для удобства читателей переведём.*

– Нет, – с вежливой улыбкой ответила Лиза, быстро спрятав руку с кольцом в карман юбки. «Не собираюсь я это коль-

цо никому возвращать, с такой красотой расставаться. Как говорится, что упало, то пропало».

– Жаль, – вздохнув, молодой человек опустился рядом с ней на скамейку.

– А в чём дело? Это что, ваше кольцо? – поинтересовалась Лиза.

– Ну как сказать. Не совсем. Я его вчера своей девушке здесь вручил, но мы поссорились, она так на меня разозлилась, что кольцо швырнула и убежала. Теперь вот пытаюсь найти.

– Ужас какой, – сказала Лиза, вдруг почувствовав небольшое жжение от кольца на пальце. – И что, думаете если найдёте, то помиритесь и всё будет хорошо?

– Ну это вряд ли. Мы насовсем расстались.

– Вот как? А почему вы в этом так уверены?

– Да разные мы очень. Клэр – человек творческий, у неё талант. Рисует прекрасно, фотографирует, в общем креативная личность. А я работаю в банке, такой «офисный червяк», ей со мной скучно и неинтересно.

«Надо же, – отметила про себя Лиза, – где-то я уже подобные упрёки про отсутствие креативности слышала».

– И что, прямо так и сказала, «с тобой скучно и неинтересно, поэтому давай расстанемся»?

– Нет, тут вполне конкретный повод возник. Она на год на Бали собралась, чтобы там спокойно рисовать-фотографировать, а я с ней ехать отказался. Только в банке повыше-

ние получил, не хочу из-за какого-то Бали свою жизнь менять и карьеру рушить.

– Понятно. И всё-таки зачем вам сейчас это кольцо? – не унималась Лиза.

– Мне его мой друг ювелир специально для любимой сделал. Сказал, это кольцо тебе на удачу, поможет найти настоящую любовь. Глупости, конечно, но мало ли, а вдруг.

Серебряная роза вдруг стала нестерпимо жечь палец, Лиза вытащила руку из кармана, и быстро стащив с покрасневшего пальца кольцо, протянула его незнакомцу.

– Вот, возьмите, и простите меня, пожалуйста, что я сразу не сказала, что нашла ваше кольцо. Просто оно мне так понравилось, что хотела оставить его у себя. Но теперь понимаю, что оно вам нужнее.

Молодой человек молча взял протянутое кольцо и внимательно посмотрел на Лизу. Пристальный взгляд серых глаз притягивал как магнит, оба как будто сцепились взглядами, физически ощущая это необычное визуальное проникновение друг в друга. Нахождение, изучение, узнавание. Мгновенья достаточно, чтобы считать закодированный природой тайный знак – мы встретились, мы снова вместе, мы были, есть и всегда будем, вне времени и пространства

– Стивен, – наконец прервал затянувшееся молчание молодой человек.

– Лиза, – всё ещё не в силах отвести взгляд ответила она.

В следующее воскресенье Стивен проводил Лизу в Моск-

ву, через месяц сам прилетел в Россию чтобы познакомиться с её родителями, спустя полгода Лиза переехала к мужу в Швейцарию. И сегодня, спустя столько лет вспоминая как нашла своего любимого, она с ужасом думает, что они никогда бы не встретились, если бы следуя совету своей мамы она не чистила селёдку на газете. Ведь тогда бы она ни за что не прочитала это объявление про языковые курсы в Эколь Леманья.

Полет фантазии, или фантазии в полете

*Homage to Hector Hugh Munro, or Saki
who in 1910 wrote a famous short story
«The French Window»*

Свободна, наконец-то свободна! После трёх лет неотрывного сидения с детьми она летит на конференцию в Англию. Сыновья появились один за другим, Андрею – два с половиной, Илюше – полтора. Конечно, непросто двоих малышей поднимать, но ничего, справляются. Бабушки, отличная няня, муж – банковский юрист финансовую независимость обеспечивает. Сегодня утром её в Домодедово домчал прямо с дачи, куда всё дружное семейство неделю назад на лето переехало.

Да и она эти три года без дела не сидела. Как говорится, филолог он и в Африке филолог, в данном случае в декретном отпуске. А как профессиональный высококвалифицированный переводчик, Таня была весьма востребована и постоянно что-нибудь переводила, в основном тексты по лингвистике и литературоведению. Её недавним достижением стал перевод книги английского профессора Джона Кларка, презентация которой как раз и должна была состояться на этой самой конференции в Лондонском университете. Так что по-

ездку эту она вполне заслужила и имеет полное право наслаждаться каждым моментом долгожданной свободы.

А вот и Домодедово. Тане нравились аэропорты, такой хорошо организованный человеческий муравейник, где всё движение подчинено чётко определённым направлениям. Вам куда: Париж? Выход 17, Вена – будьте добры, к выходу 23, Ереван – идите к выходу 7, Лондон – ждите у выхода 10, посадка в самолёт в 10.45. Отлично, значит у неё есть ещё 30 минут чтобы посидеть в зале и поглазеть на пёстрое многолюдье. Присев напротив легко узнаваемой по ярко-зеленому логотипу стойки RT, Таня взглянула на бегущие на экране строчки и улыбнулась. «Lost the elections? Missed a plane? Blame it on us.» Молодцы Russia Today, американцы их дают, а они вперёд и с юмором.

Однако реальный мир аэропорта гораздо интереснее теленовостей. Наблюдать за людьми – её любимое занятие, причём не просто наблюдать, а целенаправленно искать красивые запоминающиеся лица. В московской суете, в уличной толпе, в транспорте, устаешь от серых поношенных лиц. А в последнее время ситуация в Москве прямо как у Маяковского в стихотворении «Надоело»: «Помните, в 1916 году из Петрограда исчезли красивые люди». Вот и сейчас, сто лет спустя, исчезает красота человеческая из современных мегаполисов, уходит. Видимо, устали люди от крысиных гонок глобализованного мира, устали, или что-то такое неправиль-

ное с генетикой-демографией происходит. Поэтому большая редкость – найти среди привычной безликости действительно красивое лицо, красивое не в смысле физической привлекательности, а особенное, благородное, цепляющее глаз, как шедевр в картинной галерее.

В аэропортах же шанс увидеть такую красоту значительно увеличивается. Особенно если смотреть на проходящих стюардесс и пилотов. Вот уж где красота так красота. И российский Аэрофлот среди прочих компаний вполне достойно смотрится, сто очков вперед иностранным конкурентам даст. Стюардессы все стройные, красивые, как на подбор, волосы как у балерин уложены, у пилотов – лица мужественные, правильные, сами подтянутые, в лётной форме вообще потрясающе смотрятся, глаз не оторвать. А фамилии у пилотов какие замечательные, такие летающие фамилии – Орлов, Соколов, Воробьёв, Ласточкин. Прямо как нарочно подбирают. Журнал «Аэрофлот» вообще замечательный, стыдно признаться, но Таня иногда даже понравившиеся страницы вырывала, чтобы с собой забрать.

В 10.40 у стойки выхода на посадку стала выстраиваться очередь. Так, посмотрим, с кем ей сегодня по пути? Компания гламурных дам, гордо демонстрирующая все атрибуты крутости: от одежды известных брендов и сумок Луи Витон до малюсеньких йорк-терьеров на руках. Солидный армянин лет 60 в окружении многочисленных чад и домочадцев, несколько ухоженных мужчин в деловых костюмах с кейса-

ми, шумная группа подростков, наверняка в языковые школы направляются, седой англичанин с молодой русской женой и двумя очаровательными детьми, группа китайских туристов. Конечно, куда без них, китайцы теперь повсюду.

Ух ты, а вот и несомненно заслуживающий внимания персонаж, который может занять достойное место в её виртуальной галерее. Высокий мужчина лет сорока, загорелое лицо, пшеничные волосы небрежно откинута назад, суровый взгляд серых выразительных глаз, мужественный подбородок, да ещё вдобавок левая рука подхвачена черной повязкой. Настоящий пират. «Если бы ещё одного глаза не было, тогда совсем пират, или может даже адмирал Нельсон», – отметила про себя Таня, – ну да ничего, и с двумя глазами за пирата сойдёт. Интересно, что у него с рукой? Бандитская пуля»?

Разумно воспользовавшись услугами онлайн регистрации, Таня заняла место в самом начале салона, в восьмом ряду у окна. Рядом уселся английский пират с перевязанной рукой. Вот это да! Повезло, интересное соседство. Как только самолёт набрал высоту, пират открыл ноутбук и сосредоточенно уставился в экран. Таня устроилась поудобнее, достала новенький путеводитель по Лондону и стала выбирать куда бы ещё пойти в любимой английской столице, которую она знала от A to Z, и ужасно по ней соскучилась. Можно на знаменитую выставку цветов в Кью Гарденз, там в начале июня красота неопиcуемая, хорошо бы в Гринвич успеть

съездить, ну и конечно, в театры, картинную галерею, и магазины на Оксфорд стрит. Эх, времени мало, всего то пять дней, ну да ладно, и за это спасибо. От приятных мыслей её отвлек вежливый вопрос соседа. (конечно, разговор велся на английском, даём в переводе)

– Первый раз летите в Лондон?

«Увидел путеводитель у меня в руках и подумал, что я впервые в Англию лечу», – отметила про себя Таня и окинула пирата оценивающим взглядом: милый такой англичанин, улыбается приветливо, глаза серые смотрят уже совсем не сурово, а вполне доверчиво. Она почувствовала, как где-то внутри живота появилась лёгкая щекотка, верный признак начинающегося «полета фантазии». Соблазн, перед которым устоять невозможно. Ну что ж, можно попробовать.

– Нет, в третий, и теперь уже навсегда, на постоянное место жительства так сказать, – со вздохом ответила она. Грустный тон ответа на дежурный в общем-то вопрос вызвал любопытство.

– А почему так мрачно? – поинтересовался пират. – Разве постоянное место жительства в Англии – это плохо?

– Вопрос где жить, конечно, важный, но ещё важнее вопрос с кем жить, – ответила Таня, многозначительно подчеркнув «с кем».

Заинтригованный англичанин отложил ноутбук.

– Что вы имеете в виду?

– Да вам, наверное, неинтересно, вы, кажется, работать

собрались.

– Нет-нет, что вы, – с искренней заинтересованностью возразил сосед.

– В общем я выхожу замуж за англичанина, гражданина Великобритании, то есть, – выдохнула Таня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.